

Имя собственное в позиции подлежащего*

Для имени собственного как денотатива естественно быть актантом и соединяться с предикатом. В синтаксической позиции подлежащего личное собственное имя проявляет свою знаковую сущность, тесную спаянность с денотатом без экспликации каких-либо особенностей, ему присущих. В этом случае мы говорим о конкретности референции онима: *Аполлон Аполлонович Аблеухов был почтенного рода: имел своим предком Адама [1]; Задушен фракком, толст и розов, / Ладонью хлопнув в переплеск, / Подтопнув, лысиной Морозов / Надутю лопаются в блеск [1, с. 259].*

При нереферентном использовании имя собственное лишено по отношению к десигнату функции субституции и в случае обладания дополнительными индивидуальными коннотациями регулярно приобретает в контексте пропозитивное значение. Так, антропонимам *Гайден, Дидерот* в предложениях *Из дома загремел гульливою волной, / Волной разымчивой летящий к высям Гайден [1, с. 175]; Везде поднимались столбики белого алебастра; со столбиков высился алебастровый Архимед... [1, т. 2, с. 64]* соответствуют пропозиции 'исполнение музыкальных произведений Гайдна' и 'бюст Архимеда, сделанный из алебастра'.

От референции имен, как имеющих, так и не имеющих индивидуальные коннотации, во многом зависят логико-синтаксические отношения в предложении. Проанализируем употребление проприативов – агентов в четверостишии из поэмы А. Белого «Первое свидание»:

*...И Гревса Зеес – не переладит;
И физик – посреди небес;
И ненароком Брюсов адит;
И гадость сделает Гадес... [1, с. 239].*

Несмотря на сходство своего строения, две последние предикативные части, входящие в состав усложненной полипредикативной структуры, принципиально различны. В предикативной части «...и ненароком Брюсов адит...» с подлежащим-именем, обладающим конкретной референцией, выражены отношения предикации, тогда как в высказывании «...и гадость сделает Гадес...» имя, вследствие инверсионного порядка слов, передвинуту в постпозицию и служит для выражения логико-синтаксических отношений идентификации (*Сделает гадость не кто иной, как Гадес*). Являясь средством актуального синтаксиса, инверсия предикативного центра придает функцию темы глаголу в личной форме и выделяет в качестве ремы имя конкретного субъекта. Любопытно, что в поэтических произведениях актуализация антропонима, его перенесение в коммуникативный фокус высказывания зачастую создается посредством синтаксического параллелизма либо служит целям создания рифмы текста: *И дирижирует: Главач. / И дирижирует: Сафонов... / И, фанфаронит: часто – врач; / И, солдафонит: каста «фоно» [1, с. 255]; ...И было: много, много дум; / И метафизики, и шумов... / И строгой физикой мой ум / Переполнял: профессор Умов [1, с. 241].*

Имена собственные, находящиеся в позиции сообщаемого в высказываниях идентификации, употребляются референтно. Такие предложения можно

* На материале произведений А. Белого.

трансформировать в связочные идентифицирующего типа. Сравним: *После всех тихо шел с чашей в руках отец Иоанн* [1, с. 231]. → *Шедший с чашей в руках – отец Иоанн*.

Особую трудность представляет разграничение предложений с логико-синтаксическими отношениями тождества и предикации, в которых оба главных члена выражены именами. Например, в конструкции *Шишнарфиев – деятель младой Персии, артистическая натура; но при чем тут француз?* [1, т. 2, с. 190] содержится характеристика субъекта, а само предложение может прочитываться так: *Шишнарфиев – артистическая натура, участвует в деятельности младой Персии; но при чем тут француз?* Характеризирующее значение, присущее дескрипции «*артистическая натура*», не вызывает сомнений. Дескрипция же «*деятель младой Персии*» утратила референтность и скрывает за собой указание на действие. Именная часть сказуемого в подобных конструкциях не может быть замещена личным местоимением в именительном падеже, тогда как оним-подлежащее допускает подобную замену: *Он – деятель младой Персии, артистическая натура...* Высказывание *Артистическая натура, деятель младой Персии – он* утрачивает значение характеристики и может служить лишь целям прямого указания на объект.

Одним из признаков отношений идентификации является рефлексивность [2], поэтому инверсия главных членов в них не меняет существа отношений: *Иванов – японец какой-то: Вонави* [1, т. 2, с. 209]; *Японец какой-то, Вонави – Иванов*. Отметим невозможность подобной инверсии при логико-синтаксических отношениях предикации: *Половский был насмешник. Его тонкие губы всегда кривились от чуть видной усмешки. Во всяком мнении он отыскивал смешное и все браковал* [1, с. 281]. Высказывание *Насмешник был Половский* приобретает значение идентификации, проприатив становится ремой.

Тип логико-синтаксических отношений в предложении не всегда можно выделить однозначно, во многом он зависит от контекста, сложных смысловых связей и ассоциаций, возникающих в художественном произведении. В сверхфразовом единстве *Кто Шишнарфнэ? Изнанка абракадабры, иль – Енфраншиш; сон от водки; так; Енфраншиш, Шишнарфнэ – только стадии алкоголя* [1, т. 2, с. 212] возможно двойное толкование типов предикативных частей. Предложение *Кто Шишнарфнэ?* содействует идентификации личности одного из персонажей романа. А что значит установить личность? По справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, «это значит отождествить данное лицо с субъектом, о котором имеется нужная информация, относящаяся к другому периоду существования» [2, с. 299]. Следовательно, логично дескрипции *изнанка абракадабры, иль – Енфраншиш* считать тождественными восстанавливаемому из контекста подлежащему *Шишнарфнэ*. Специфика идентификации здесь состоит в том, что герой романа отождествляется не с человеком, а с перевернутым бессмысленным словом *енфраншиш* (получается анаграмма: *Енфраншиш–Шишнарфнэ*). Звуковой набор, которым Дудкин прогонял ночные кошмары, начинает существовать за пределами сознания героя, приобретает объективность и объединяет звуковые сферы разных персонажей: младоперса *Шишнарфиева*, знакомого Дудкина по Гельсингфорсу *Шишнарфнэ*. *Енфраншиш* как бы объективирует бред Александра Ивановича Дудкина, функционирует в романе на правах имени собственного: *Пришло Енфраншиш за душой* [1, т. 2, с. 209]; *Енфраншиш в организм Дудкина входил бактериями, ... проглатываемыми с водкою* [1, т. 2, с. 208]. В этом контексте дескрипцию «сон от водки» можно понимать буквально, как тождество *Шишнарфнэ – сон от водки: «Господин Шишнарфнэ», – говорил Александр Иванович пространству (а Шишнарфнэ – то ведь не было)* [1, т. 2, с. 208]. Буквально можно воспринимать и логико-синтаксические отношения в предика-

тивной части *Енфраншиш, Шишнарфнэ* – только стадии алкоголя. Если выделять в описанных предикативных частях отношения идентификации, то их особенностью является невозможность инверсии темы и ремы: появляется смысловой алогизм (*Стадии алкоголя – Енфраншиш, Шишнарфнэ*). Поэтому могут возникнуть гипотезы и о нереферентности проприативов в составе предикативных частей *Шишнарфнэ* – сон от водки; *Енфраншиш, Шишнарфнэ* – только стадии алкоголя. При таком подходе личные имена собственные получают в контексте значение пропозитивного типа 'появление *Енфраншиш, Шишнарфнэ*'. На наш взгляд, правомерно говорить о синкретичности отношений в указанных конструкциях [3].

Таким образом, имя собственное в позиции грамматического субъекта, являясь смысловым центром предложения, активно участвует в формировании его семантических разновидностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белый А.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 10.
2. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976. –383 с.
3. *Василевская Л.И.* Синтаксические возможности имени собственного // Лингвистика и поэтика: Сборник статей. М., 1979. С.136-146.

S U M M A R Y

In the article a proper noun is analyzed as one of the most important semantic centers of a sentence on the grounds of theories of reference and actual articulation. Onym in subject position actively takes part in forming semantic sentence variants.

Поступила в редакцию 26.06.2003